

ПЛАТОН

Что может быть позорней такой
славы, когда о нас думают, будто мы
ценим деньги больше, чем друзьями

Ведь тем-то и скверно невежество, что человек
и не прекрасный, и не совершенный, и не умный
вполне доволен собой

В судах решительно никому нет
никакого дела до истины, важна только
убедительность

ДИАЛОГИ С СОКРАТОМ

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Популярная философия с иллюстрациями

Платон

**Диалоги с Сократом. С
комментариями и объяснениями**

«Издательство АСТ»

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Платон

Диалоги с Сократом. С комментариями и объяснениями /
Платон — «Издательство АСТ», — (Популярная философия с
иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-153158-4

Платон (ок. 428-348 гг. до н. э.) – древнегреческий философ-идеалист, создатель собственной философской школы, ученик Сократа. По преданию, в день встречи с Платоном Сократ увидел пророческий сон: белый лебедь прижался к его груди и после взлетел так высоко, что почти скрылся из виду. Лебедь как символ бога Аполлона проясняет смысл сна: сколько бы ты ни учил своего ученика, в самом главном ты будешь учиться у него. Дружба старого и юного философов продлилась до самой казни Сократа в 399 году до н. э. «Диалоги» – это уникальные сочинения, которые входят в так называемый «платоновский корпус» трудов, дошедших до наших дней. Настоящее издание составили четыре диалога, в которых Сократ выступает как главное действующее лицо. В «Критоне» он объясняет, что нельзя совершать несправедливость не только по отношению к людям, но и по отношению к законам. В «Пире» считает, что в любви мы должны видеть не одни лишь эмоции, но и культурное начало. А в «Федре», продолжая свою мысль, говорит, что именно любовь совершенствует бессмертную душу человека и пробуждает в нем лучшие качества и стремления. В «Федоне» Сократ раскрывает свою идею о том, что нужно уважать чувство справедливости другого, не навязывая своего собственного. Все тексты снабжены подробными комментариями. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-153158-4

© Платон

© Издательство АСТ

Содержание

Искусство стать новым человеком: о сократических диалогах Платона	7
Диалоги с Сократом	12
Критон	12
1	12
3	14
4	14
5	15
7	16
8	16
11	17
12	17
13	20
14	20
16	21
17	21
Пир	22
1	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Платон
Диалоги с Сократом:
с комментариями и объяснениями

© А.В. Марков, составление, предисловие, комментарии, 2023

© Издательство АСТ, 2023

Искусство стать новым человеком: о сократических диалогах Платона

В эту книгу включены четыре сократических диалога. В них Сократ является не просто главным действующим лицом, но и автором завершенных философских теорий, способных менять жизнь не только отдельного человека, но и целых групп людей. В диалоге «Критон» изображен Сократ перед казнью: его друг, богач Критон, хочет устроить ему побег, но Сократ объясняет, что если он нарушит земной закон, то он навечно останется примером несправедливости и вероломства, а значит, предаст и богов, и себя самого. В диалоге «Пир» Сократ обучает своих современников, выдающихся афинских писателей и политиков, искусству любви: быть верным в любви – это для него не эмоция, а строгая логика, строгая дружба с Логосом: если ты верен в любви, ты понимаешь, что любовь сделала с тобой, а значит, делаешься открыт новым мыслям и правильным идеям, в том числе государственным и политическим. В диалоге «Федон» Сократ прощается со своими многочисленными учениками и объясняет, почему душа бессмертна. Бессмертие души для Сократа – не догадка, не частное пожелание и не бытовое верование, но логическая необходимость: ведь если даже к телу и к хозяйству мы относимся разумно и стремимся сохранить хозяйственные и инженерные достижения для потомков, то тем более наша душа должна сохраниться и для потомков, и для богов. Поскольку бессмертны боги, то и о человеческой душе можно сказать, что она бессмертна. Наконец в диалоге «Федр» Сократ разговаривает с молодыми интеллектуалами и учит их небывалой мудрости, объясняя, что благородство – это не внешнее требование, а настоящая природа истинной речи. Речь истинна не тогда, когда она выглядит правдоподобно, а когда звучит благородно; и мир идей как идеальных прообразов всех вещей регулирует благородство речи и мысли человека.

Встреча Платона с Сократом в 408 г. до н. э. изменила навсегда Платона, но в чем-то изменила и Сократа. Аристокл, по прозвищу Платон, аристократ, царевич (потомок полумифологического царя Кодра), красавец и победитель спортивных состязаний, забросил все, чем занимался прежде – стихи и пьесы, и стал слушать Сократа. По преданию, в день встречи с Платоном Сократ увидел пророческий сон: белый лебедь прижался к его груди и после взлетел высоко так, что почти скрылся из виду. Лебедь – как символ бога Аполлона проясняет смысл сна: сколько бы ты ни учил своего ученика, в самом главном ты будешь учиться у него. Индийская поговорка гласит, что учитель приходит тогда, когда к этому готов ученик. Сократ и Платон дополнили эту мысль: ученик может быть и не вполне готов, может быть в чем-то рассеян и в чем-то поспешен, но вот учитель в какой-то момент, иногда раз в жизни, оказывается всецело готов учить. Эта мгновенная готовность, мгновенное озарение и переживание целостности и радости совместного обучения, и определяет пути развития философии на века и тысячелетия вперед.

Платон был блестящим во всем творческим интеллектуалом, широкоплечим красавцем, стройным и скромным в своей царственности, умевшим выступать публично, знавшим все научные теории, которые тогда существовали (от Фалеса до Анаксагора и его учеников). Сократ же казался некоторым современникам невзрачным, нелепым, нарушителем спокойствия. Ведь он мог внезапно на улице заговорить с первым попавшимся человеком о смысле всего существующего. Но так казалось лишь на первый взгляд. На самом деле, Сократ говорил вполне избирательно: он, например, мог показать молодому богачу, что тот знает отдельные виды богатства, но не может объяснить, что такое обладать богатством и распоряжаться им. В качестве своей основной задачи Сократ видел, вопреки общепринятому мнению, не стремление подорвать самомнение человека, которому казалось, что он правильно мыслит. Сократ показывал людям, уже имеющим опыт управления государством, имуществом или домом,

людям с характером, с индивидуальной позицией, входившим в тогдашнюю элиту, что необходимо мыслить критически, системно, опираясь на природу собственной мысли. Это наиболее наглядно представлено в диалоге, открывающем нашу книгу, «Критон». Богач Критон хочет выкупить Сократа, но Сократ объясняет, что за этим желанием стоят неправильные предположения и о природе денег, и о природе справедливости, и об отношении необходимости и свободы. Обеспечив Сократу бегство от казни, Критон погрешил бы не против частных законов, но против философской теории как таковой – а теория, слово, которое означало, как мы узнаем из этого диалога, участие в шествиях с изображениями богов, оказывается основанием непостижимого священного порядка, который лучше не трогать.

Дружба старого и юного философа продлилась до самой казни Сократа в 399 году. Она прошла сложные испытания: в 405 году афинский флот был разбит при Эгоспотамах, что открыло спартамцам путь на Афины. В 404 году Спарта одержала победу над Афинами. Спартанская гегемония стала ударом по чести всех афинских политиков. Афины, по замыслу спартанцев, должны были стать большой деревней, в которой правят устаревшие законы. В итоге было создано правительство Афин из тридцати человек, известное как Тридцать тиранов: это были аристократы, готовые идти на уступки. Среди них были и родственники Платона, например его дядя Критий.

Критий был драматургом, и в одной из своих пьес он показал, что законодатели должны творить не только писанные законы, но и изобретать новых богов, чтобы люди не совершали зло не только явно, но и тайно. Эта мысль в чем-то была близка Платону, потому что Сократ в его диалогах тоже сочиняет мифы и басни, убеждающие людей не только поступать правильно, но и следить за своими чувствами и намерениями. Однако между Критием и Платоном – нравственная пропасть. Если для Крития изобретение ситуативно, то для Платона изобретение должно отвечать общим законам мироздания, общей гармонии. Платон увлекался в тот момент пифагорейцами, учившими, что политика должна подчиняться математическим законам, поэтому легко помещал доработанные пифагорейские мысли в сократические диалоги. Конечно, исторический Сократ ценил и Пифагора, и других философов, но все же в таком частом обращении к пифагорейству видны скорее пристрастия Платона. Сократ отказался признать власть правительства Тридцати тиранов. Отказался и Платон. Сократ считал, что закон должен происходить из совести человека, а не из уступок власти имущим. Поэтому в диалогах мы часто сталкиваемся с рассуждениями Сократа по поводу того, как законы определяют, например, честь и любовь, то есть внешне господствуют над человеком. Но судившие Сократа пытались поставить ему в вину, что Критий, Алкивиад и другие одиозные политики были слушателями и собеседниками Сократа, хотя известно, что правительство Тридцати Тиранов пало уже в 303 г. до н. э. Полководец Фрасибул, отвоёвавший Афины и убивший Крития в бою, амнистировал всех, кроме прямых участников казней. Поэтому разбираться в позиции Сократа было явно запоздалым решением его врагов. Платон, конечно, спорил с этим обвинением: в диалоге «Пир» он показал, что Алкивиад был во всем обязан Сократу, но правильно философствовать и духовно преображаться мог только в присутствии Сократа, тогда как в обычной жизни он оставался безрассудным авантюристом. Настоящим героем для Сократа, Платона и Аристотеля стал полководец Ферамен, выступивший против Крития и казненный по его приказу. Ферамен не любил демократию и считал, что только благородные люди должны управлять страной, он обличал Крития за расхищение казны спартамцами и судейский произвол. Поэтому когда Сократ в диалоге «Федр» разоблачает оратора Лисия и софистов, то нужно учитывать и этот подтекст: Платон был на стороне патриота Ферамена и не любил софистов, которые пытались обращать политические конфликты в свою пользу.

При этом исторический Сократ относился к Ферамену явно не лучшим образом: когда в 407 г. до н. э. афинский флот разбил спартанский, но всё равно понёс большие потери, Ферамен и Фрасибул вернулись в Афины раньше стратегов, командующих операцией, и потребо-

вали в народном собрании казни стратегов как изменников. Сократ был одним из немногих, кто выступал против этой казни. Для Сократа было просто невозможно превратить закон и справедливость в орудие частного блага. Поэтому в диалоге «Федон» Сократ так настаивает на том, что лучше претерпеть несправедливость, чем самому причинить ее: ведь за казнью стратегов последовали неудачные военные действия, которые и привели к тирании Тридцати.

Здесь нужно учитывать, что Фрасибул вовсе не хотел восстанавливать демократию: аристократы и богачи, которые оплатили его военную кампанию, боялись, что после восстановления демократии большинство будет мстить всем богатым как склонным к олигархии. Поэтому был установлен своеобразный режим: в Пирее, афинском порту, победили демократы, а в самих Афинах – умеренные сторонники олигархата. Таким образом была создана смешанная система правления. Гражданам, недовольным таким режимом было предложено переселиться в Элевсин, пригород Афин, получивший административное самоуправление. Когда Сократ в диалогах Платона превозносит мистерии, прежде всего Элевсинские, он употребляет терминологию мистерий (такие слова как «очищение» и «посвящение»). Благодаря этой терминологии мы можем понять, как скрыто Сократ выступает за восстановление благородной политики в подлинном смысле этого слова. Некоторую иронию в отношении к Фрасибулу можно увидеть и в том, что Фрасибул привел свое войско из Фив, которые были родиной политических идеалистов Симмия и Кебета. Именно они под влиянием Пифагора пытаются быстро создать представления о справедливости, однако Сократ всякий раз призывает их не торопиться в своих суждениях. Заранее оговоримся, что диалоги – это не изобретение Платона. Можно сказать, что диалоги писали тогда все, кто хоть как-то был связан с Сократом: тому же Симмию приписывалось 23 диалога на разные темы, а под именем Кебета до нас дошел диалог «Картина». Последний диалог в традиции пифагорейской аллегии представил человеческую жизнь в качестве большой картины-квеста. Многие ученики Сократа также писали диалоги. Например, ученику Сократа Аристиппу, учившему о наслаждении в качестве критерия истины, приписывали 25 диалогов. Другой философ Антисфен, один из создателей школы киников, ратовавших за «собачью» простоту быта и жизни, писал диалоги, в которых зло высмеивал современных ему политиков. Диалоги можно назвать продолжением драматургии: в Афинах ставились трагедии, комедии и сатировские драмы. Диалог наиболее близок по смыслу к сатировской драме: остроумному, даже саркастичному произведению, в котором люди, довольные своим положением, вдруг начинают высказывать недовольство. В этом и состоит смысл диалога – выбить человека из привычной колеи жизни, заставить его вдруг чувствовать себя не так, как он чувствовал себя прежде. К сожалению, из сотен диалогов разных сократических авторов до нас дошли только диалоги Платона. Их ценность состояла не в том, чтобы обосновать какой-либо тезис или разоблачить соперника в философской дискуссии. В них показано, как любовь к философской дискуссии позволяет обосновать свои тезисы и разоблачить всех, даже самых близких друзей. Это и сделал Платон, показав в диалогах природу философской мысли.

Такой переход от сочинения драм к сочинению диалогов в Афинах был ускорен деятельностью софистов, которые не просто стали записывать речи, но учить писать, упорядочивать мысли, выстраивать аргументы, структурировать речь по общим законам. Софисты, то есть учителя мудрости за плату, вместо рассмотрения структуры мироздания стали рассматривать структуру языка. Драма с ее традиционными зрелищными эффектами стала казаться слишком громоздкой и устаревшей в сравнении с тем театром споров и аргументов, который открыли софисты. Можно сказать, что софистами был создан свой, профессиональный театр языка, в котором звучание каждого слова, созвучие, игра со значениями продумывались с особой тщательностью. Диалог – это по сути кричащее высказывание в эпоху торжества софистического театра.

Сократ при всем уважении к софистам не принимал их готовность довольствоваться только готовыми языковыми построениями. Софистам казалось, что изучив, как устроен язык,

сколько в нем синонимов и антонимов, они лучше разберутся в сложном устройстве мироздания и одновременно научат всех создавать правдоподобные речи. Ведь через речь можно создать иллюзию правды. Поэтому, опираясь на ораторское искусство, можно на вполне разумных основаниях переделать и политику, полагали софисты. Но Сократ видел ограничения софистики: искусственные языковые структуры и словосочетания не могут объяснить, что такое честь, что такое совесть, что такое самопожертвование или что такое настоящая любовь. Поэтому Сократ просто решил превзойти софистов остроумием: в «Федре» и других диалогах он лучше них подбирает синонимы, создает каламбуры, решает сложные интеллектуальные задачи – то есть побивает софистов их же оружием. Сократ оказывается искуснее софистов в их же искусстве: например, слово «философия», означающее любовь к мудрости и дружбу с мудростью, он превращает в диалогах «Пир» и «Федр» в основание новой теории любви. В них Сократ отождествляет любовь с познанием самых общих законов мироздания и внутренней жизни личности. Если ты любишь мудрость, значит, ты должен ее желать, возжелеть, а значит, познавать, что в мире есть не только рутина былых законов, но и особая динамика, о которой ты раньше и не мыслил. Открытие Платоном сферы чистых идей было открытием не менее масштабным, чем открытие относительности Эйнштейном или открытие бессознательных влечений Фрейдом в XX веке: мир вдруг оказался динамичным и страстным. И конечно, Сократ нападает на главную святыню софистов – письменные тексты, доказывая, что они не научат быть по-настоящему памятливими, а значит, по-настоящему совестливыми.

Важно понимать, что слово диалог у нас иногда трактуется неверно – как разговор двух людей. При этом происходит смешение двух греческих слов: «диа», что значит «через, насквозь» (как в слове диаграмма или диаметр), и «дио», что значит «два» (откуда диптих или диалогия). Отсюда возникают такие странные русские слова как «триалог», разговор трех людей, хотя по-гречески это должно означать человека, сказавшего три речи или употребляющего какое-то слово в тройном смысле. Правильнее понимать «диалог» как проведение собеседника через Логос, то есть через разумные формулировки. В диалоге собеседники разговаривают для того, чтобы прийти от принятого всеми утверждения к какому-то окончательному выводу, и спорят о том, позволяет ли это утверждение сделать окончательный вывод. В диалоге «Федон» Платон показал внутреннюю структуру диалога, развив учение о знании как припоминании, как восстановлении структур ума, полученных при рождении. Как мы, например, усваивая математику, вспоминаем какие-то отвлеченные понятия, которых нет в природе (где в природе прямые линии?), но которые вложены как бы в наш ум. Подобно этому, ведя диалог, мы начинаем с общепризнанного, например, что справедливость должна относиться ко всем людям, вспоминаем природу справедливости: нельзя, прежде всего, поступать плохо по отношению к себе, а не к другим, обманывать или льстить себе.

Именно поэтому диалоги Платона и дошли до наших дней: в них не просто показано, как Сократ превзошел всех своих современников умением рассуждать, но и как устроен диалог, каковы принципы его построения. Этому взгляду на устройство диалога способствует и внешняя структура диалога, в качестве которой выступает пересказ. Этот пересказ позволяет нам в конце диалога иначе взглянуть на его начало. «Федон», «Пир» и «Федр» – это пересказанные диалоги. Такой пересказ создает романное впечатление: как мы иначе видим Дон Кихота в конце второго тома или Гарри Поттера в конце седьмого тома, чем когда начинали читать, – так и сам Сократ, и поставленные Сократом вопросы звучат в конце иначе, чем в начале. В начале нам кажется, что Сократ – нелепый насмешник, который издевается в том числе и над нами, читателями, что он хитрый и наивный, чуть ли не деревенский мудрец. Но в конце мы видим, что Сократ – это великий философ и великий гражданский деятель мировой истории. Он поясняет как судьи должны видеть природу закона, как ораторы должны не потакать страстям, а аскетически относиться к слову и образу жизни, как политики должны научиться созерцать мир идей, чтобы видеть реальную динамику развития общества, а не отдельные смуты или

периоды порядка. Поэтому Сократ одновременно воспекает досуг, остроумно шутя и каламбуя, и призывает к строгой аскезе и самоконтролю представителей всех профессий. Согласно Сократу, досуг нужен, чтобы научиться не доверять готовым словам и формулам, а аскеза – чтобы подружиться с Логосом, с логически выстроенным рассуждением, которое не менее, а более требовательно к тебе, чем все земные законы.

Переводчик этих диалогов Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) был главой петербургского, а потом и ленинградского антиковедения. Его переводы изящны и остроумны. Жебелёв хорошо чувствовал нюансы речи и изгибы рассуждения, иронию, юмор и сарказм мудрого Сократа. Интонационный профиль речи иногда устаревает, поэтому иногда у Жебелёва встречаются неудачные обороты (например, «блестящий на вид» вместо «блестящий всем своим видом», хотя Платон говорит именно не о видимости, а о подлинном божественном блеске). Есть у него и терминологические неточности, например, «багаж» в значении «военное снаряжение». Мы провели литературную обработку перевода и полную сверку с оригиналом. Благодарность и посвящение этой работы философу Оксане Александровне Штайн, Диотиме и Гипатии нашей русской философии, чье великое мастерство доверительной и парадоксальной речи больше всего помогло в составлении комментариев. В многочисленных комментариях мы поясняем, в чем состоит ирония, юмор и мудрость Сократа, реконструируем исторические контексты, чтобы эти диалоги можно было читать не с меньшим удовольствием, чем мы смотрим спектакли на современной сцене. В работе над комментариями мы в основном опирались на традицию французской деконструкции античной философии, в частности на книги Jean Bollack. *La Grèce de personne: Les mots sous le mythe* (Paris: Seuil, 1998) и Frédérique Ildefonse. *Le multiple dans l'âme: Sur l'intériorité comme problème* (Paris: Vrin, 2022).

Александр Марков, Профессор РГГУ

Диалоги с Сократом

Критон

1

Сократ. Чего ты так рано пришел, Критон? Или уже не рано?

Критон. Очень рано.

Сократ. А как?

Критон. Раннее утро.

Сократ. Удивляюсь, как тюремный сторож согласился отворить тебе.

Критон. Мы с ним приятели, Сократ. Я ведь часто бываю здесь; да, кроме того, я и задобрил его.

Диалог «Критон» в ряде рукописей имеет подзаголовок «О должном», не в смысле отвлеченного нравственного долга, а в более простом смысле: что нужно делать в сложных ситуациях, как решить вопрос с наименьшими потерями. Критон был богачом, поэтому мог часто заступаться за знакомых, приходить в тюрьму с целью их выкупа. Главными чертами богача, по словам Платона, были щедрость и забота. Его стремление задобрить не обязательно означает подкуп: Критон, например, мог пообещать тюремщику заступиться за него в случае тяжбы.

Сократ. А пришел-то ты только что или давно?

Критон. Давненько.

Сократ. Так что же ты сразу не разбудил меня, а сидел возле и молчал?

Критон. Клянусь Зевсом, Сократ, я не пожелал бы сам быть в такой беде [как ты], да еще при этом не спать. А на тебя я давно с удивлением смотрю, как ты сладко спишь. Я нарочно и не будил тебя, чтобы время шло для тебя как можно приятнее. Часто и в прежнее время, в продолжение всей твоей жизни, я прославлял тебя за твой нрав, но в особенности прославляю теперь, в разразившемся теперь несчастье: как ты легко и кротко его переносишь.

Прославлял – в оригинале буквально считал счастливым: формула радости за человека, у которого все хорошо.

Сократ. Да ведь было бы бессмысленно, Критон, такому старику негодовать на то, что приходится умирать.

Критон. И другие, такие же старики, попадают в подобную же беду, однако возраст нисколько не мешает им негодовать на свою судьбу.

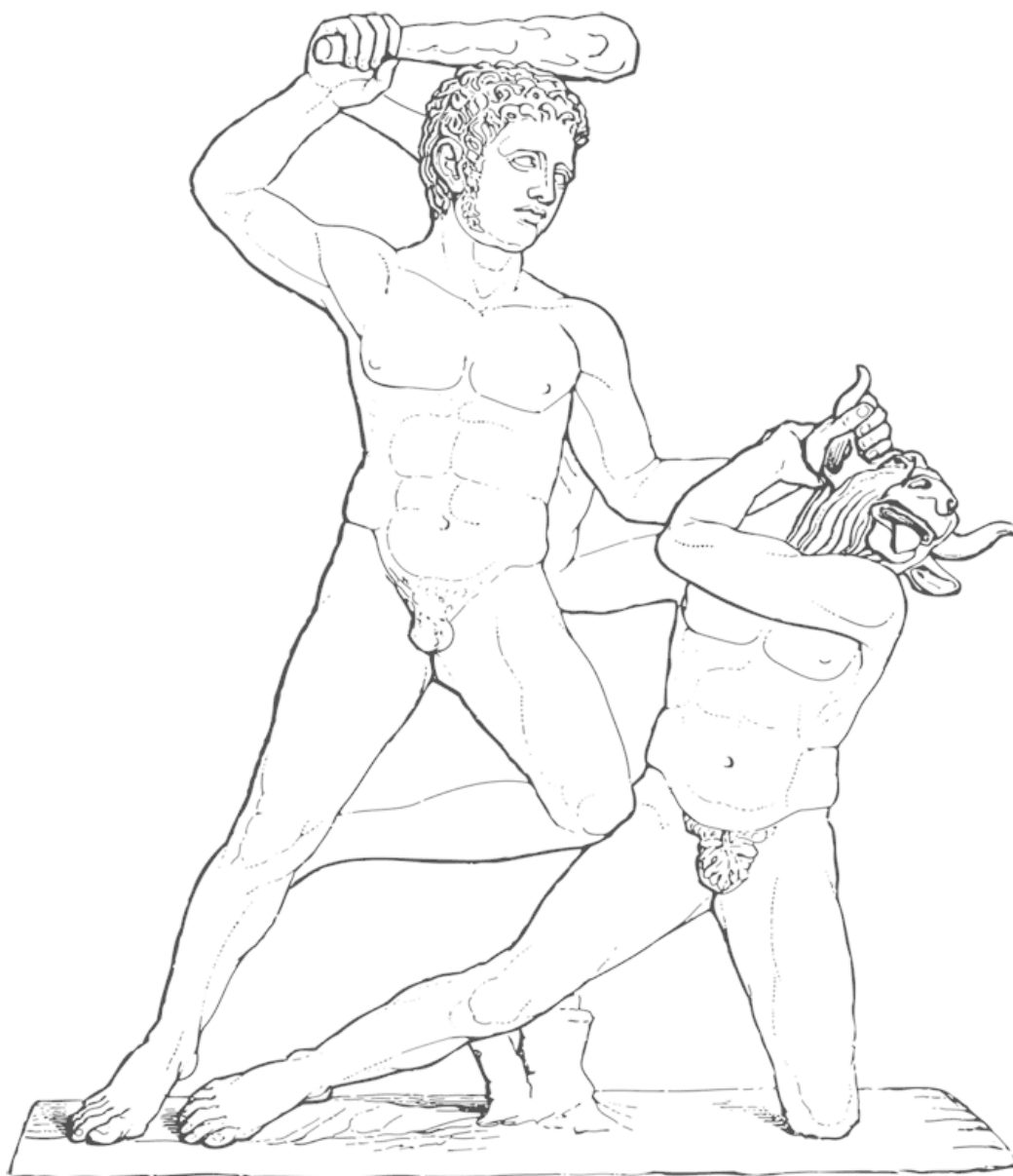
Сократ. Бывает. Но почему ты пришел так рано?

Критон. С тягостною вестью, Сократ, пришел я, не для тебя, как мне сдается, а для себя и всех твоих близких, с печальною, тяжелою вестью, которую, как мне кажется, перенести очень трудно.

Сократ. Что за весть? Уже не прибыл ли с Делоса тот корабль, с приходом которого я должен буду умереть?

Критон. Корабль-то еще не прибыл, но, думается мне, прибудет сегодня, судя по словам людей, прибывших с Суния и оставивших его там. Отсюда ясно, что корабль прибудет сегодня, и, значит, завтра, Сократ, тебе придется окончить свою жизнь. (...)

Афиняне ежегодно отправляли феорию, т. е. посольство на корабле на остров Делос к святилищу Аполлона, благодарить бога за помощь Тесею, убившему Минотавра. Пока эта феория совершалась, смертные приговоры не приводились в действие. Слово «феория» – то же, что теория, в начальном смысле – созерцание богов и участие в ритуалах, а переносно, в философии, – созерцание отвлеченных понятий, операции по правилам с отвлеченными категориями.

Суний – мыс, оконечность Аттики, с которого было видно прибытие кораблей в сторону Афин. С Суния гонец добрался бы на лошади в тот же день, тогда как путь корабля явно занял бы больше времени. Далее следует эпизод, как Сократу приснился сон, где голодная смерть в белом одеянии обещает ему прибытие в плодородную землю посмертного существования.

3

Критон. Но, дорогой Сократ, говорю тебе еще раз: послушайся меня, не отказывайся от своего спасения! Ведь для меня, если ты умрешь, не только одна эта беда будет. Помимо того, что я лишусь такого близкого мне человека, какого мне никогда не найти, многим из тех, которые не знают о наших дружеских отношениях, покажется, что я мог бы спасти тебя, если бы захотел потратиться на это, но что я не подумал об этом. А что может быть позорнее той молвы, когда о нас думают, будто мы деньги ставим выше друзей? Ведь большинство-то не поверит, что ты сам не пожелал уйти отсюда, несмотря на все наши старания.

Сократ. А к чему нам, милый Критон, так сильно заботиться о том, что думает большинство? Порядочные люди, с которыми более стоит считаться, подумают, что все это произошло так, как должно было произойти.

Критон. Но ведь ты видишь, Сократ, что приходится и считаться и с мнением большинства. То, что теперь произошло, показывает ясно, что большинство в состоянии причинить не какое-нибудь небольшое зло, а зло огромных размеров, тому, кто в глазах большинства оклеветан.

Сократ. О если бы, Критон, большинство в состоянии было причинять величайшее зло с тем, чтобы оно было в состоянии оказывать и величайшее добро! Как это было бы хорошо!

А теперь оно не в состоянии делать ни того, ни другого: оно не может сделать человека ни рассудительным, ни нерассудительным, а поступает как попало.

«Порядочным людям» казалось, что Критон как богатейший афинянин и человек того же дружеского круга должен внести выкуп за Сократа. На самом деле Сократ был воспитателем сына Критона, так что они не просто люди одного круга, а связанные особыми отношениями воспитательного доверия.

Рассудительность здесь понимается как умение не поддаваться эмоциям, поэтому порядочные люди должны уметь встать не только на сторону Критона, но и на сторону Сократа, взвесить возможные доводы той и другой стороны.

4

Критон. Допустим, что это так! Но вот что скажи мне, Сократ: уж не боишься ли ты за меня и за других, тебе близких, что в случае, если ты скроешься отсюда, сикофанты наделают нам хлопот – будто мы тебя отсюда выкрали, что нам придется потерять либо все наше имущество, либо большие деньги, либо еще сверх того как-либо пострадать. Если тебя пугает что-либо подобное, оставь это: мы поступим только справедливо, если, спасши тебя, подвергнемся этой опасности, а если нужно, то еще и большей. Послушайся меня! Не отказывайся!

Сикофанты – специфическое околоправовое понятие в Афинах: недоброжелатели, истцы, сутяги, которые пытаются завладеть чужим имуществом через доносы, часто неудачно. Буквально, «показывающие фигу», скорее всего, в смысле непристойного жеста кукиша (частое в популярной литературе объяснение, что якобы сикофанты показывали на спрятанные недобросовестными перекупщиками фиги, ошибочно).

Сократ. Да, Критон, и этого я опасаюсь, и еще многого другого.

Критон. Этого-то уже ты не бойся! Да и немного денег просят за то, чтобы спасти тебя и увести отсюда. А затем, разве ты не знаешь этих сикофантов – какой это дешевый народ, как немного нужно для них денег? Мои деньги в твоём распоряжении, и их, думаю я, достаточно. А затем, если ты, заботаешь обо мне, полагаешь, будто не следует тратить моих денег, то иноземцы,

что здесь, готовы потратить их. Один из них даже и привез сюда для этой цели достаточно денег – Симмий фиванец; готов и Кебет, и очень много других. Так что, повторяю, не бойся этого и не отказывайся от своего спасения. Не смущайся также и тем, о чем ты говорил на суде, будто ты, уйдя из Афин, не будешь знать, что с собою делать. Ведь во многих других местах, куда бы ты ни пришел, тебя будут любить. Захочешь отправиться в Фессалию, так там у меня есть друзья, которые будут тебя высоко ценить и безопасность тебе доставят, так что в Фессалии ни от кого не будет тебе огорчения.

В «Апологии Сократа» Платона философ говорил, что не собирается бежать из страны, потому что он не сможет не вести себя так, как обычно ведет, послушный своему «даймону» (демону), внутреннему богу, – а значит, он и в другом городе быстро вызовет раздражение большинства и будет казнен. Сократ иронически льстил афинянам, что они его слишком долго терпели, Критон переворачивает ситуацию, говоря, что тем более его стерпят люди, которым его учение будет в новинку.

5

К тому же, Сократ, мне кажется, и затеваешь ты не правое дело – предать себя, хотя можно спастись, и стремишься совершить над собой то, к чему будут стремиться твои недруги и о чем они уже старались, желая погубить тебя. Сверх того, на мой взгляд, ты предаешь и своих сыновей: хотя в твоей власти их и вскормить, и воспитать, ты теперь бросаешь их на произвол судьбы; и ты будешь виноват, если они будут делать что придется. А придется им, как то и естественно, испытывать то, что обыкновенно бывает с сиротами в их сиротской доле. В самом деле: или уже не нужно обзаводиться детьми, или вместе с ними страдать до конца – кормить их, воспитывать. А ты, по-моему, выбираешь самое легкомысленное. Следует же тебе выбирать то, что выбирает человек хороший и мужественный, в особенности, когда он говорит, что всю жизнь заботился о добродетели. Мне, по крайней мере, стыдно и за тебя, и за нас, твоих близких, – как бы не подумали, что все случившееся с тобою произошло по какому-то отсутствию мужества с нашей стороны: и то, что дело дошло до суда, и как оно дошло, хотя могло и не дойти, и самый судебный процесс, как он происходил, и весь этот конец, точно насмешка над всем делом – как будто все это ускользнуло от нашего внимания по нашей негодности и отсутствию мужества, так как мы не спасли тебя, а ты не спас себя, хотя это было возможно, если бы в нас был хоть малый прок. На все это, Сократ, ты обрати свое внимание, как бы для нас с тобою вместе с бедой не вышло и позора. Сообрази-ка все это; впрочем, и соображать-то больше времени нет, а пора со всеми соображениями покончить! Соображение может быть лишь одно: в ближайшую ночь все это должно быть сделано; а если мы еще будем ждать, то это уже окажется совершенно невозможным. Сократ, как бы то ни было, послушай меня! Никким образом не отказывайся! (...)

В сиротской доле – имеется в виду афинский обычай «сисситии», что родитель устраивает сыновей в хорошую компанию, где они воспитываются для государственной жизни (примерно как сейчас родители устраивают сыновей в хороший вуз). Сироты, разумеется, лишены такой привилегии. Критон рассуждает как человек старой закалки, для которого воспитание – это «связи», тогда как Сократ настаивал на демократической педагогике, которую Критон еще не усвоил.

Мужество здесь понимается не столько как смелость, сколько как умение поступать как мужчина, быть верным товариществу.

Соображение – в оригинале каламбур: греческое «булэ» означает как «совещание, совет», так и «решение, волевой поступок», как в русской цепочке слов: решать вместе – решение – решительность. Далее рассматривается вопрос, насколько авторитетны мнения других людей. Мнение, «докса» – позиция другого человека или твоя собственная, но до философской проверки. В системе Платона мнения имеют двойственный статус: они противопоставляются «истине», которая всегда одна, но при этом мнения других людей нужно выслушивать, чтобы получился диалог. Эти мнения Сократ «жаждет» рассмотреть: в оригинале древнегреческое слово «эпитюмия» означает как половое влечение, так и стремление к чему угодно: к власти, славе, но в данном случае – к истине.

7

Сократ. Хорошо! А как мы рассуждаем в таком вопросе: тот, кто занимается гимнастическими упражнениями, обращает внимание на похвалу, порицание и мнение всякого человека или исключительно одного того, кто является врачом, или педотрибом?

Педотриб – главный тренер, начальник гимнастического зала. Сократ говорит не о всяком враче и тренере, но о лучшем эксперте в деле.

Критон. Только его одного.

Сократ. Так что и бояться порицаний и радоваться похвалам следует одного только этого человека, а не большинства людей?

Критон. Очевидно. (...)

8

Сократ. Хорошо! А если мы последуем мнению людей не понимающих и погубим то, что, будучи здоровым, становится лучше, а будучи болезненным – разрушается, то будет ли стоить нам жить, коль скоро оно будет разрушено? Я имею в виду тело. Или не стоит?

Критон. Не стоит.

Сократ. А стоит ли нам жить с негодным и разрушенным телом?

Критон. никоим образом не стоит.

Сократ. А стоит ли нам жить, когда разрушено то, что несправедливость портит и чему справедливость приносит пользу? Или мы считаем менее важным, в сравнении с телом, то – чем бы оно для нас ни было, – к чему относится несправедливость и справедливость?

Согласно Сократу, справедливость принадлежит душе, а не телу, потому что включает в себя разумное суждение, к которому тело не способно. Тело различает полезное и вредное, а душа – справедливое и несправедливое.

Критон. Ни в каком случае.

Сократ. Напротив, мы ставим его выше.

Критон. Намного выше!

Сократ. Следовательно, милейший, не так-то уже следует заботиться нам о том, что о нас скажет большинство, а о том, что скажет человек, понимающий справедливое и несправедливое, – он один, да сама истина. Таким образом, в твоём утверждении неправильно прежде всего то, что ты говоришь, будто мы должны заботиться (держат в уме) о мнении большинства касательно справедливого, прекрасного, благого и того, что противоположно всему этому. «Да, – скажут нам, – но ведь большинство-то способно нас убивать».

Критон. Это тоже ясно – так говорить будут, Сократ. Правду ты говоришь.

Сократ. Но, любезнейший, то рассуждение, которое мы произвели, сдается мне, сходно с прежним. Рассуди опять вот о чем: остается ли у нас в силе или не остается то утверждение, что выше всего нужно ставить не то, чтобы жить, но чтобы хорошо жить.

Хорошая жизнь (др.-греч. «эв зен») – понятие античной этики, означающее честную и правильную жизнь, которую нельзя упрекнуть ни извне, ни изнутри, и где любые действия служат твоему же благу.

Критон. Конечно, остается.

Сократ. А остается ли в силе или не остается то утверждение, что понятия «хорошо», «прекрасно», «справедливо» – тождественны.

Критон. Остается. (...)

Далее Сократ настаивает на том, что большинство людей легкомысленны как в вопросах воспитания, так и в вопросах справедливых приговоров. Поэтому поступить несправедливо для Сократа – означает тем самым легализовать легкомыслие большинства, которое к своим бесчисленным заблуждениям и легковесным решениям еще прибавит право на несправедливость.

11

Сократ. Итак, будь внимателен! Если мы уйдем отсюда без согласия государства, причиним мы этим кому-нибудь зло, и именно тем, кому [причинять его] менее всего следует, или не причиним? И останемся ли мы при том, что признали справедливым, или не останемся?

Критон. Я не могу, Сократ, ответить на твой вопрос: я его не понимаю.

Сократ. Рассмотрим его так: если бы в то время, когда мы собирались отсюда убежать, или как бы это ни называть, сюда пришли законы и все государство, подошли бы к нам и задали вопрос: «А скажи-ка мне, Сократ, что ты задумал совершить? Не замыслил ли ты тем делом, к которому приступаешь, погубить нас, законы, и все государство, поскольку это от тебя зависит? Или, ты думаешь, может еще существовать не ниспровергнутым то государство, в котором состоявшиеся судебные решения не имеют более никакой силы, но в котором частные лица делают их недействительными и уничтожают их?» Что мы скажем, Критон, на это и тому подобное? Ведь многое может сказать всякий, в том числе, в особенности, оратор, в защиту того закона, который мы губим и который повелевает, чтобы вынесенные судебные решения оставались в силе? Или мы возразим законам, что государство поступило с нами несправедливо и постановило неправильное решение? Это мы скажем или что еще?

Критон. Клянусь Зевсом, Сократ, именно это!

Государство – в оригинале «городская община». Имеется в виду не только государственный аппарат, но и все граждане полиса, как мы говорим: «государство объявило независимость», «государство приняло конституцию». Закон в речи Сократа тоже выступает как олицетворенный, значит, его вполне можно «умертвить». Поэтому философ создает огромную речь от лица законов, говоря о вещах, которые они могли бы сказать, будучи людьми.

12

Сократ. Что же если законы скажут нам на это: «Сократ, разве не было у нас с тобою условия – оставаться при тех судебных решениях, которые выносит государство?» А если бы мы пришли в удивление от этих слов, законы, пожалуй, сказали бы: «Сократ, не удивляйся

тому, что мы говорим, а отвечай: ты ведь привык прибегать к вопросам и ответам. Скажи-ка, в чем обвиняешь ты нас и государство, ради чего стремишься нас погубить? Прежде всего, не мы ли породили тебя, не с нашей ли санкции твой отец взял замуж мать твою и произвел тебя на свет? Скажи, упрекаешь ли ты те из наших законов, которые относятся к браку в том, что они не хороши?» «Нет, не упрекаю, – ответил бы я. – Но, может быть, ты упрекаешь те законы, которые относятся к воспитанию и образованию родившихся на свет [детей, к тому образованию], какое ты и сам получил? Разве не хорошо распорядились те законы, которые предназначены для этого и которые повелевают твоему отцу давать тебе мусическое и гимнастическое образование?» «Хорошо, – сказал бы я. – Прекрасно! После того, как ты родился, получил воспитание и образование, можешь ли ты, прежде всего, отрицать, что ты – наше порождение и наш раб, сам ты и твои предки?

Мусическое образование – изучение основ различных наук, не только музыки и искусств, но и грамоты, счета и других дисциплин, которые можно соотнести с программой современных начальной и средней школы.

Гимнастическое образование – тренировки в гимназиях, подготовка к военной и гражданской жизни, т. е. те занятия, которые можно соотнести с современными старшими классами школы.

Аргумент Сократа в этом рассуждении состоит в том, что если понимать государство как большое домашнее хозяйство, следуя отстаиваемой философом воспитательной программе, когда образование открыто и доступно всем, то в этом хозяйстве граждане, не имеющие особых заслуг, должны быть как домашние рабы. Здесь борьба Сократа за равенство приводит, с большой долей скепсиса, к переносу на государство представлений о доме, где большинство домашних – рабы.

Если это так, неужели ты думаешь, что ты имеешь право равняться с нами и что в том, как мы собираемся поступить с тобою, ты находишь справедливым нам противодействовать? Или, ты думаешь, что если бы у тебя был отец и господин, ты по отношению к ним не считал бы себя равноправным, так что, если бы ты потерпел от них что-либо, то не мог бы им в этом оказывать противодействие, ни отвечать на брань бранью, ни побоями на побои, и многое тому подобное. А с отечеством и с законами тебе дозволено будет все это, так что если мы, находя это справедливым, собираемся тебя погубить, то и ты собираешься нас, законы и отечество [также, со своей стороны], погубить, настолько ты в силах, и, поступая так, будешь утверждать, что поступаешь справедливо, ты, который поистине заботишься о добродетели? Или ты уже настолько мудр, что не замечаешь, что отечество ценнее и отца, и матери, и прочих предков; что оно более почтенно, более свято, имеет большее значение и у богов, и у имеющих разум людей; что его, когда оно гневается, следует почитать, ему подчиняться, ему угождать более, чем отцу; [что нужно либо отечество] вразумлять, либо исполнять то, что оно повелевает; [что нужно] претерпевать, если оно повелевает что-либо претерпевать, со спокойствием – будь это физическое наказание или тюрьма, пошлет ли оно на войну, на раны, на смерть, – все это нужно исполнять; и что все это справедливо, и что не следует уступать врагу, бежать от него, бросать свой строй; но что и на войне, и на суде, и повсюду должно исполнять то, что государство и отечество прикажет; или же нужно вразумлять его там, где этого требует справедливость; применять же насилие над матерью или отцом нечестиво – тем в значительно большей степени это нечестиво в отношении к отечеству?» Что скажем мы на это, Критон? Правду говорят законы или нет?

Критон. По-моему, правду.

13

Сократ. «Вот и рассмотри, Сократ – скажут, пожалуй, законы, – правду ли мы говорим, что ты собираешься теперь поступить с нами несправедливо. В самом деле: мы тебя породили, выкормили, воспитали, наделили тебя и всех прочих граждан всем прекрасным, чем способны были наделить; и вместе с тем мы ведь всякому желающему из афинян, после того как он подвергся докимасии и познакомился с государственными делами и с нами, законами, предоставляем возможность поступить таким образом: кому мы не нравимся, тот может взять свое имущество и уйти куда ему угодно.

Докимасия – испытание по достижении совершеннолетия, после которого полноправный гражданин получал доступ к государственным должностям.

И ни один из нас, законов, не препятствует и не запрещает желающему из вас отправиться в колонию, если мы и государство ему не нравимся; и если он хочет переселиться куда-либо в другое место, он может идти туда, куда ему угодно, взяв свое имущество. О том же, кто из вас останется, видя, как мы судим в наших судах, как мы во всем прочем управляем государством, – о том мы уже говорим, что он заключил с нами соглашение на деле исполнять все то, что мы приказываем; и о том, кто нам не повинуется, мы говорим, что он втройне поступает несправедливо: он не повинуется нам, своим родителям; не повинуется нам, своим воспитателям; он, заключив с нами соглашение, что будет повиноваться нам, не повинуется и не вразумляет нас, если в чем мы поступаем нехорошо. Хотя мы и предлагаем, а не грубо приказываем исполнять то, что мы приказываем, но предоставляем ему на выбор одно из двух – либо вразумлять нас, либо исполнять наши приказания, – он не делает ни того, ни другого».

14

«Таким-то, – утверждаем мы, – и ты, Сократ, будешь подлежать, если сделаешь то, что замышляешь, и притом именно ты не меньше, чем все афиняне, а больше». А если бы я сказал: «Да почему же?», законы, пожалуй, справедливо бы заметили мне, стали указывать на меня, заметив, что из всех афинян по преимуществу именно я вступил с ними в такое соглашение. Они сказали бы так: «Сократ, у нас есть веское доказательство того, что тебе нравились и мы, и государство. Ты никогда из всех прочих афинян не предпочел бы быть в нем, если бы оно тебе предпочтительно не нравилось. Ты ни разу не выходил за пределы государства на феорию [один только раз на Истм, а так вопрошал оракула в частном порядке], ни куда-либо в другое место, за исключением только того, что участвовал в походах. Ты никогда, подобно прочим людям, никуда не отлучался; не овладевало тобою желание узнать другое государство, другие законы; нас и нашего государства было достаточно для тебя. Так сильно ты нас предпочитал и согласен был жить под нашим управлением. Между прочим, ты и детьми обзавелся в нашем государстве, так как оно тебе нравилось. Сверх того, если бы ты хотел, ты еще во время самого процесса мог назначить себе наказанием изгнание, и сделал бы тогда, с согласия государства, то, что собираешься теперь сделать против его согласия. Ты же тогда рисовался и не негодовал на то, что тебе придется умереть, но предпочел, как ты утверждал, смерть изгнанию. А теперь ты ни тех своих речей не стыдишься, ни на нас, на законы не взираешь и собираешься их уничтожить, поступаешь так, как поступил бы самый негодный раб, собираясь бежать вопреки договору и соглашению, на основании которого ты обязался жить под нашим управлением. Итак, прежде всего, отвечай нам вот на что: правду ли мы говорим или неправду, утверждая, что ты согласился жить под нашим управлением не на словах, а на деле». Что скажем мы на это, Критон? Иное что или согласимся?

Наличие детей могло рассматриваться и как долг, и как привилегия: отсутствие детей было бесчестьем (в этом сюжет, например, комедии «Лисистраты» Аристофана – не иметь возможность завести детей от законных жен было тождественно позору, равно бесчестью подвергался тот, кто промотал имущество, а значит, не мог передать его детям, тем самым как бы бросив их), но здесь имеется в виду, что Сократ, заведя детей, еще больше усилил отношения с государством как источником всякой чести.

Критон. Неизбежно согласимся, Сократ.

Сократ. «В таком случае, – скажут законы, – ты преступаешь договор и соглашение с нами, заключенные тобою не по принуждению, не обманным путем, быв вынужден принять решение не в короткий срок, но в течение семидесяти лет, пока тебе можно было уйти, если бы мы тебе не нравились и если бы соглашение казалось тебе несправедливым. Ты же не отдал предпочтение ни Лакедемону (Спарте), ни Криту, о которых ты постоянно утверждаешь, что они управляются хорошими законами, ни какому другому из эллинских или варварских городов, но отлучался отсюда реже, чем отлучаются хромые, слепые и прочие калеки. Так, предпочтительно из всех прочих афинян, государство и мы, законы, тебе нравились. И ясно, почему это: кому понравится государство без законов? Что же, теперь-то ты не останешься при заключенном с нами соглашении? Повиновался бы ты нам, Сократ, и не ставил бы себя на посмешище своим удалением из государства!» (...)

16

«Нет, Сократ, послушай ты нас, твоих кормильцев, не ставь выше справедливости ни детей, ни своей жизни, ни чего другого! Тогда, придя в Преисподнюю, ты можешь во всем оправдаться пред тамошними правителями. Ведь если ты сделаешь [то, что собираешься сделать], то ни здесь не окажется это лучшим, более справедливым, благочестивым ни для тебя, ни для кого-либо из твоих, да и там не будет, когда ты туда придешь, чем если ты теперь уйдешь, подвергшись несправедливости не от нас, законов, а от людей. Если же ты уйдешь, столь постыдно воздав за несправедливость и за тебе причиненное зло, преступив свои соглашения и договоры с нами, зло поступишь с теми, с кем это менее всего следовало – с самим собою, с друзьями, с отечеством, с нами. Мы будем на тебя гневаться, пока ты жив; да и там наши братья, законы Преисподней, неблагосклонно тебя примут, узнав, что ты и нас собирався погубить, насколько это от тебя зависит. И пусть не убедит тебя Критон поступать так, как он говорит, более чем убеждаем тебя мы».

17

Будь уверен, дорогой Критон, что мне кажется, будто я слышу эти речи, все равно как корибантствующим кажется, будто они слышат флейты. И от этих-то слов звон стоит у меня в ушах и не дает мне слушать ничего другого. Знай – так мне теперь кажется, – если ты будешь говорить против этого, то понапрасну ты будешь говорить. Впрочем, если думаешь достигнуть чего-либо большего, говори!

Корибанты – служители культа малоазийской богини Кибелы, доводившие себя до экстаза под музыку. Частое участие в таких ритуалах приводило к галлюцинациям, когда экстатическая музыка начинала звучать в уме.

Критон. Нет, Сократ, нечего мне говорить.

Сократ. Следовательно, Критон, оставь это, и поступим так, как бог указывает.

Пир

1

Аполлодор. Кажется, к тому, о чем вы меня спрашиваете, я хорошо подготовлен.

Дело было так. Третьего дня поднимался я в город из дому, из Фалера. Один из моих знакомых, шедший позади, увидел меня и окликнул издали. Шутя над моим прозвищем, говорит он: «Эй ты, Фалереец, Аполлодор, подожди!» Я остановился и стал ждать его.

«Аполлодор, – говорит мой знакомый, – на днях я разыскивал тебя и хотел разузнать о той беседе, которую вели Агафон, Сократ, Алкивиад и прочие присутствовавшие тогда на товарищеской пирушке: что за речи велись там об Эроте? Мне рассказывал об этом кто-то со слов Фэника, сына Филиппа, и сказал, что ты это знаешь. Впрочем, ничего толком он мне изложить не мог. Расскажи уже ты; ведь тебе наиболее всего пристало оповещать о речах твоего приятеля. Но раньше ты мне скажи вот что: сам-то ты на этой беседе присутствовал или нет?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.